

Соответственно этому трактовались и «Певцы» — как произведение совершенно аполитичное, чуждое каких бы то ни было общественных тенденций. По А. Незеленову, смысл «Певцов» сводился к утверждению «всесоциализирующего и просветляющего вокруг чистого, высокого искусства»³⁸. Этот тезис был подхвачен и развит позже И. И. Ивановым, который в своей обширной монографии о Тургеневе утверждал, что «Певцы» являются лишь «продуктом тургеневской мечтательности»³⁹.

Совершенно закономерно эти попытки ревизии общественного значения и характера «Записок охотника» нашли дальнейшее продолжение в критической литературе, порожденной «бездвременьем межреволюционного периода» (1905—1917 гг.), т. е. в критике, шедшей в той или иной степени под знаком «Вех», являвшихся, по словам В. И. Ленина, наиболее ярким выражением «либерального ренегатства» и знаменовавших *полнейший разрыв* «русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»⁴⁰.

Одной из основных задач «вехизма» на историко-литературном фронте явилась борьба с «традициями Белинского». В самих «Вехах» эта задача была декларирована в статьях Булгакова, Гершензона, Струве; наиболее же полным и развернутым выражением этих тенденций явились печально известные статьи о Белинском Айхенвальда. В этом «пересмотре» значения Белинского большое место занимали попытки оторвать от Белинского и его традиций великих русских реалистов XIX в. Непосредственно в отношении к Тургеневу это было выполнено К. К. Истоминим в его, пользовавшихся большой популярностью, статьях о «старой манере» Тургенева (1913). Повторяя утверждения реакционной критики, Истомин совершенно снимал вопрос об общественно-политическом значении «Записок охотника» и пытался даже ревизовать подлинный смысл знаменитых слов Тургенева об «аннибаловой клятве». «Давно следовало бы оставить мысль, что «Записки охотника» — замаскированный поход против крепостного права», — развязно утверждал автор⁴¹. Односторонне подбирая цитаты и искажая подлинный смысл отдельных высказываний Тургенева, Истомин утверждал, что Тургенев отстаивал идеи «искусства для искусства» и видел в литературе лишь «органическую потребность души». «Наилучшее» подтверждение своего тезиса он усматривал в письме Тургенева к Виардо о возникновении «Певцов», истолковывая последнее как авторское признание фантастического преобразования действительности. Истомин же популяризировал и более решительно обосновывал мысль, высказанную до него еще Скабическим и некоторыми другими критиками, об односторонности крестьянских типов «Записок охотника». «Давно уже замечено, — писал он, — что в «Записках охотника» Тургенева больше всего занимают крестьяне, оторванные от земли и от своего быта, крестьяне, разобщенные с мужицкой жизнью. Мир отверженцев быта, мир немощных и больных, мир неудачников в жизни — вот преимущественная сфера симпатий

21—22). Эта концепция в той или иной форме встречается и у ряда других авторов. Очень решительно отстаивал такую точку зрения М. О. Гершензон («Мечта и мысль Тургенева», М., 1919). Своеобразное отражение нашла она в статье Л. П. Гроссмана, который, не отрицая общественного значения «Записок охотника» и лежащей в основе их идеи борьбы с крепостничеством, усматривал в последней лишь формальное значение, один из приемов композиции (Л. П. Г р о с с м а н, Приемы композиции «Записок охотника» — сб. «Свиток», вып. 2, М., 1922, стр. 12).

³⁸ А. П. Незеленов, И. С. Тургенев в его произведениях, СПб., 1885, стр. 71.

³⁹ И. И. Иванов, И. С. Тургенев, жизнь, личность, творчество. Нежин, 1914, стр. 139. См. также С. Г. Смирнов, И. С. Тургенев и его «Записки охотника», М., 1913: «Певцы» свидетельствуют лишь о способности простых людей «беззаветно увлекаться искусством» (стр. 15—16 и др.).

⁴⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 107.

⁴¹ К. К. Истомин, Старая манера Тургенева, СПб., 1913 (отдельный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XVIII, кн. 2 и 3, стр. 62).